

УТРО ТУМАННОЕ

Глава первая

...Утро было свежим, блестящим, но немного рассеянным и меланхоличным. Прозрачный осенний туман, прошитый редкими лучами солнца, висел над городом сказочным парашютным куполом, и ленивый, не вполне проснувшийся ветер качал его из стороны в сторону, таскал по крышам домов, по верхушкам облетающих кленов и лип, рвал острыми спилями соборов, катал по земле причудливо закрученными раковинами, заставляя невесомую воздушную ткань неожиданно вспыхивать то голубыми, то бирюзовыми, то розовыми огнями...

Маленькая круглая площадь была в этот ранний час практически безлюдной. Две торговые палатки с обувью, продуктовая машина, развал дешёвой чайной посуды да старый еврей Абрамыч со своим патефоном и коллекцией никому не нужных сегодня старых пластинок.

Вадим сидел, как обычно, на скамейке под липой возле здания бывшего магистрата, слушал бриллиантовый голос Изабеллы Юрьевой и тоскливо смотрел на свои картины, сиротливо выстроившиеся вдоль чугунной решётки, отделяющей двор магистрата от рыночной площади. Унылые пейзажи, чахоточно-изломанные цветы, налитые тусклым восковым румянцем виноградные гроздья... «Может быть, и мне, как мальчику Каю из сказки Андерсена, попал в глаз осколок злого зеркала троллей, и теперь я всё вокруг вижу уродливым и печальным?» – подумал Вадим и невесело усмехнулся. Он знал, что это не так. Знал, потому что чуть поодаль, отдельно ото всех, стояла его единственная настоящая картина. Он чуть повернул голову, чтобы было лучше видно, и, как всегда, волосы на его голове шевельнулись, а по телу брызнули мурашки восхищения и восторга.

Из узкого вертикального пространства, ограниченного простой деревянной рамой, тесня друг друга, прямо вываливались на зрителя ярко-зелёные ажурные листья папоротника. Дрожали, блестели тяжелой росой, дышали свежестью и упругой молодой жизнью. А над этим буйным весёлым кружевом поднимался на мерцающем невысоком стебле изысканный золотой цветок. Он был похож на лилию и колокольчик одновременно, имел шесть заостренных лепестков и длинные усики-тычинки с блестящими шариками на концах. Нежное свечение ласковых лепестков завораживало, кружило голову, наполняло сердце сладкой болью и чистой светлой печалью... Золотой Цветок. Цветок папоротника. Несбыточная мечта кладоискателей всех времен...

Вадим с трудом отвел глаза от картины, сделал глубокий вдох и быстрый, резкий выдох, восстанавливая сбившееся дыхание, достал сигареты. Посмотрел на свои дрожащие пальцы и опять невесело усмехнулся. А ведь ещё совсем недавно всё было по-другому...

То утро тоже было заспанным и туманным, но безветренным и почти без солнца. Вадим привычно бежал на речку через старый деревенский парк, заросший, заглохший и почти не проходимый. Единственная узенькая тропинка вилась между елями, ныряла в заросли орешника, петляла вокруг берёзовых куртин, ловко обходя мёртвые поваленные деревья. Катился к закату июнь, отпуск у Вадима закончился, бабушка пекла пироги ему на дорогу, а сам Вадим, отлично потрудившийся на этюдах, был полон энергии, творческих планов и невероятных, фантастических проектов. Он был уверен, что впереди – совсем не за горами – его ждут слава, почёт и невиданное богатство...

Отвлечшись на мгновение и перестав следить за тропинкой, Вадим запнулся о невесть откуда взявшийся здесь обломок старинного красного кирпича, пробежал, согнувшись, несколько метров, стараясь сохранить равновесие, и упал на четвереньки во влажные от росы и тумана заросли папоротника. Чертыхаясь и жалея испачканное, затоптанное полотенце и порванные брюки, он поднялся на ноги – и застыл как вкопанный. Прямо перед его носом чуть покачивался на мерцающем стебле Золотой Цветок... Вадим сразу узнал его. И не потому, что много о нём читал и слышал, а потому, что именно таким его себе и представлял, не раз рисовал и страстно мечтал о встрече...

Что случилось потом, он почти не помнил. Перепачканный с ног до головы землёй, травяным соком и раздавленными грибами, он медленно приходил в себя на краю черной ямы. Вырванный с корнем Золотой Цветок валялся на тропинке. А вот сундучка, глиняного горшочка или, на худой конец, какой-нибудь металлической коробочки с драгоценными камнями и золотыми монетами не было и в помине. Всё, что удалось найти Вадиму, – это медная позеленевшая бусина, размером с ягоду крыжовника, на которой выпукло темнел рисунок Золотого Цветка.

Вадим долго не хотел верить, что клада нет. Он снова и снова спускался в яму, перебирал руками землю, выброшенную им на тропинку, ползал под деревьями – безрезультатно. И только когда в парке потемнело и начался дождь, он отряхнулся, прицепил найденную бусину как брелок на связку ключей (странно, как он их только не потерял) и тракторной подошвой кроссовки раздавил и тщательно размазал Золотой Цветок по тропинке. Потом бросил в яму свои разбитые, испорченные часы и побрёл назад, домой, не замечая тяжёлых капель холодного, густого дождя.

В город Вадим не поехал ни в этот день, ни на следующий, так как заболел и неделю метался в жару и бреде, и перепуганная бабушка лечила его по-своему – травами и молитвой, потому что всю неделю лил дождь, единственную дорогу смыло и вызванная «неотложка» застряла у реки и проехать в Лугино не смогла.

А потом... Потом Вадим поправился и вернулся на свою работу в городской драматический театр, где совмещал две должности: художника-декоратора и осветителя - и почти забыл про Золотой Цветок, как вдруг все его фантастические замыслы стали осуществляться.

Персональная выставка, имевшая оглушительный успех, австралийский миллионер, купивший для своей коллекции полтора десятка работ Вадима, поездки во Францию и Голландию, новенький «Lexus»... Потом появился двухэтажный загородный дом, за ним – собственная мастерская. Удобная, просторная, светлая, оборудованная всем, о чем только может мечтать художник. Однако писать Вадиму было недосуг (новые друзья и всевозможные рауты и казино отнимали слишком много времени), да и само желание писать тихо и незаметно куда-то ушло... Он продал и раздарил все свои картины, написанные за последние пять лет, поэтому, когда из Голландии пришёл большой заказ на серию русских городских пейзажей, Вадиму волей-неволей пришлось доставать краски и кисти. И тут выяснилось, что писать он совершенно разучился. Краски, чистые и звонкие на палитре, на холсте жухли и съезживались, кисть не слушалась, отчего умелые и, как казалось Вадиму, уверенно проведённые линии ломались и таяли, контуры предметов начинали плыть, а ясный день, перенесенный на холст, вдруг затягивался серой сумрачной паутиной и всё изображение приобретало вид унылый и безжизненный. С большим трудом написал Вадим десяток пейзажей, но все их заказчик вернул с вежливыми извинениями...

Как-то вечером, выезжая с парковки возле театра, Вадим зацепил жемчужный «Мерседес», вылетевший, как на грех, из тёмного соседнего переулка. Мотаясь, как тряпичная кукла, в крепких руках молодого хозяина «Мерседеса», Вадим уже прощался с жизнью, как вдруг дверца жемчужной машины открылась и рядом с собой он увидел ослепительной красоты женщину в длинном старомодном платье и шляпке с вуалью... Через пять минут он уже ничего не помнил, кроме двух вещей: незнакомка попросила написать для неё цветок папоротника (и даже вручила Вадиму более чем солидный аванс), а уродливую царапину на жемчужной дверце соглашалась забыть за пустяк – круглую медную бусину, висевшую у Вадима на связке ключей. Не говоря ни слова, дрожащими, плохо гнущимися пальцами Вадим снял бусину с колечка и осторожно положил её в тёплую душистую ладонь...

«Цветок папоротника» он написал этой же ночью, а на заре, ставя свою летящую подпись в левом нижнем углу холста, уже знал, что написал шедевр и что за ним никто не придёт. Ни сегодня, ни завтра, ни через месяц...

А через полгода он оказался на окраине города в грязной вонючей коммуналке в соседстве со старым алкоголиком и только что вернувшимся из заключения вором, так как его дом и мастерская сгорели в одночасье дождливой октябрьской ночью, «Lexus» угнали среди бела дня, и милиция так и не смогла его найти, а банк, которому Вадим доверил все свои деньги, обанкротился.

И вот теперь бывший известный художник и богач Вадим Веронин сидел на городском рынке и пытался продать работы, от которых раньше с презрением бы отвернулся. Но рядом стоял «Цветок папоротника» (всё, что осталось Вадиму от короткого фантастического периода его жизни), и он

верил, что в один прекрасный день (или вечер) мастерство вернется. Иначе просто не могло быть.

Он закурил, походил немного возле скамейки, застегнул до подбородка «молнию» на куртке и достал из сумки термос с чаем.

В прозрачном тумане звенели колокольчики «Осеннего вальса», запущенного Абрамычем, старая липа плакала невесомыми танцующими слезами, такими же яркими и грустными, как канувшие в Лету так любимые Вадимом золотые июньские закаты...

Глава вторая

Мальчик появился неожиданно, словно из ниоткуда, и Вадим вздрогнул, увидев его перед собой. На вид ему было лет десять или двенадцать, он был худ и светловолос, на угловатых плечах мешковато висела застиранная добела штормовка. Скорее всего, он стоял здесь уже давно, просто Вадим, занятый своими мыслями, его не замечал.

– Тебе чего, пацан? – миролюбиво спросил Вадим, ловким щелчком отправляя в урну окурки сигареты. – Подарок выбираешь?

– Ага, подарок, – мальчик радостно закивал, – маме, на день рождения.

– Да? – Вадим улыбнулся, с удовольствием разглядывая загорелое, чуть обветренное лицо, освещенное прозрачными зелёными глазами. – И что же ты выбрал?

– «Цветок папоротника»! – выдохнул мальчик и широко белозубо улыбнулся.

– Ого! – от неожиданности Вадим засмеялся. – А деньги у тебя есть?

– Есть. – Мальчик сдвинул к переносице тонкие, красивого рисунка брови и полез за пазуху. – Вот, – сказал он через секунду, протягивая Вадиму тщательно разглаженную бумажку. Вадим растерянно смотрел на тысячную купюру, зажатую в загорелых исцарапанных пальцах, и чувствовал, что настроение, и так далеко не радужное, портится окончательно и бесповоротно.

– Деньги мать дала? – хмуро спросил он, только для того, чтобы что-нибудь спросить.

– Нет, – мальчик слегка побледнел и опустил руку. – Я заработал. Школу ремонтировал, скот пас, потом новый храм расписывал...

– Вот как? – удивился Вадим. – Так ты художник?

– Нет, – мальчик качнул головой, отчего прямые светлые волосы искристо вспыхнули летним погожим днем, – я краски смешивал – я цвета хорошо чувствую, а раскрашивал по трафарету, меня отец Никодим научил.

– А зачем тебе «Цветок папоротника»? – Вадим не знал, как сказать этому странному пацану, что картина не продаётся. Ни за тысячу, ни за пять, ни за десять тысяч.

– Маме. Очень красивый. Чтобы поверила! – сбивчивой скороговоркой выпалил мальчик и нетерпеливо переступил с ноги на ногу.

– Поверила? – сердце у Вадима ёкнуло и забилося быстрее. – Поверила во что?

– Ну в то, что папоротник цветёт, и не один я видел Золотой Цветок...

– Ты... – у Вадима внезапно сел голос, а глаза ни с того ни с сего заволкло слезами, – ты хочешь сказать, что видел Золотой Цветок?!

– Да, – мальчик спокойно кивнул. – Этим летом, у нас в Ольховке.

– Расскажи! – Вадим сгреб его в охапку и посадил рядом с собой на скамейку. – Пожалуйста!..

Мальчик поёрзал немного, устраиваясь удобно и основательно, засунул руки глубоко в карманы штормовки, помолчал.

– Я хотел быть художником, – начал он медленно и как бы через силу, – настоящим, как Саврасов... Я много рисовал и очень старался, меня Борис Петрович, наш учитель рисования, хвалил, но у Мишки, приятеля моего, всё равно получалось лучше. Лучше всех. Мишка что угодно может нарисовать – березку, собаку, рассвет над речкой... Только портреты у него пока не получаются. А этим летом Мишка конкурс в Москве выиграл и поездку в Италию. Я как узнал – всю ночь плакал. Нет, не от зависти к Мишке, а от того, что я бездарный и никогда не стать мне художником... Заснул я только под утро и увидел во сне Золотой Цветок. Потом вдруг проснулся, словно и не спал вовсе. Смотрю – за окнами только-только светать начинает, тихо так, и туман над деревней... И решил я пойти и взглянуть на Золотой Цветок, так ли он хорош, как в моём сне. Место я запомнил, это на бывшей барской усадьбе, нужно только от развалин дома спуститься вниз, к Поющему ручью... В общем, вышел я из дома и пошёл по Дороге, потому что усадьба от Ольховки далеко, нужно километра два пройти, а если по Дороге – пройдёшь столько, сколько захочешь...

Мальчик умолк и молчал очень долго, глядя застывшим взглядом себе под ноги на чёрный асфальт и оранжевые листья на нём, а Вадим нетерпеливо ждал, боясь вздохнуть, шевельнуться, облизнуть пересохшие губы...

– Он был совсем-совсем один, опутанный туманом, осыпанный, словно инеем, холодным, колючим светом далёких рассветных звезд... – голос мальчика зазвенел, и он притушил его коротким полувздохом-полувсхлипом, – но он был прекрасен!.. И рад моему приходу. Я пробыл с ним до самого солнца. Любовался, дышал его сиянием, слушал его песню, предназначенную только мне. Даже ручей не мог её заглушить... А когда встало солнце, я ушёл. Тихо-тихо, не оглядываясь...

– А клад?! – не выдержал Вадим. – Разве ты не знаешь легенды?

– Знаю, – мальчик откинулся на спинку скамьи, улыбнулся. – Но я и так был счастлив.

– А потом?

– Потом я обнаружил в кармане рубашки маленький карандаш. Обыкновенный простой карандаш, аккуратно зачиненный, с золотым оттиском цветка на одной из граней...

– И ты... – выдохнул Вадим, – рисовал... этим карандашом?!..

– Рисовал. Золотой Цветок, наш дом, яблони в саду, красавицу Мурку, отца и маму... Мишкины рисунки рядом с моими выглядели просто каракулями. Все удивлялись, хвалили меня, а Борис Петрович даже расстроился, что в Италию еду не я, а Мишка... Мишка, конечно, очень переживал и однажды залил тушью мой альбом, и мы с ним из-за этого подрались. А на другой день я встретил его на улице с большой плетёной корзиной – он нёс на речку троих щенков. Топить... И даже сотней похвастался, которую ему Генка Зиновьев дал. Генка уже взрослый, он на пилораме работает. У него собака есть, лайка. Альмой зовут. Она самая лучшая в деревне. А вот щенки уродились совсем не в неё – коротконогие, черномазые, лопухие. Их брать никто не хотел, Генка даже сюда, в город, ездил, но и здесь на них охотников не нашлось. Вот Генка и попросил Мишку щенков куда-нибудь пристроить. А куда их пристроишь? И Мишка понес их на реку... В общем, мы опять подрались. А потом договорились: я отдал Мишке свой карандаш, а он мне – корзину со щенками. Мишка помчался домой, рисовать, а я понёс щенков на хутор, к егерю дяде Жоре.

Я шёл Дорогой, по холодку. Рыжика, бельчонка знакомого, сушкой угостил, с дятлом Жоржем в стукоталочку поиграл, и так мне радостно было, словно у меня день рождения. Я шёл и думал: «Рисовать я не умею. А что же умею? Что я умею лучше других? Стал вспоминать, и оказалось – не так уж мало. Я травы знаю (меня бабушка учила), о зверях разных знаю больше других, по валежнику пройду – ни одна ветка не хрустнет, с любой собакой общий язык найду, а птицы у меня прямо из рук угощение берут... Раньше я всего этого как-то не замечал. В общем, вспомнил я всё это и понял, что буду егерем, как дядя Жора.

– А Мишка? – тихо спросил Вадим.

– Мишка? – мальчик улыбнулся. – А что ему сделается? Карандаш мой он до дома не донёс, обронил где-то по дороге. Да он ему и не нужен. Мишка с каждым днём рисует всё лучше и лучше. Недавно из Италии вернулся. Подарок мне привез – альбом с репродукциями Джотто. А одного из тех щенков, что я дяде Жоре тогда отнёс, самого лопухого и смешного, Мишка себе взял. Назвал Персиком. И деньги Генке вернул.

– Так ты больше не рисуешь?

– Отчего же, – мальчик снова улыбнулся. – Рисую. Для себя или если кто попросит. В общем, для полноты жизни. А вы... – он помялся немного и спросил осторожно, стараясь скрыть заинтересованность и волнение, – нашли клад?

– Кладов не бывает, – Вадим встал и поднял с земли «Цветок папоротника». – Клады – это мы сами. Держи, – он протянул изумленному и обрадованному мальчику картину. – А деньги оставь. Вон там, – он кивнул в сторону реки, – в книжном магазине возле моста я видел замечательный атлас по зоологии... А как тебя зовут?

– Ласточка, – заторопился мальчик, – Ленька Ласточка. А вы приезжайте к нам в гости, на этюды. Не пожалеете! Правда-правда,

приезжайте! Это недалеко, всего две остановки на электричке. А там через рощу – рукой подать...

– Спасибо. Может и приеду... Слушай, а что это за Дорога, о которой ты говорил?

– Дорога?.. – Ленька помолчал, потёр переносицу. – Просто Дорога. Лесная. Много солнца, кружево от веток на жёлтом песке, деревянный мостик через ручей, там меня всегда Рыжик встречает, купальницы... Она всегда одна и та же зимой и летом, весной и осенью, на ней нельзя заблудиться или опоздать, на ней – хорошо... Дорога есть у каждого, но не все знают об этом.

– А как... как ты нашёл Дорогу?

– Это года два назад было. Мы с Мишкой за грибами пошли. Да в лесу поссорились. Из-за белого гриба. Мы такого красавца ещё ни разу не встречали. Подбежали к нему одновременно и заспорили, кто первый его нашёл. Пока гриб друг у друга вырывали, весь его раскрошили, разругались и разошлись в разные стороны. И я заблудился. Прежде со мной такого никогда не случалось. А тут, в какую сторону ни пойду, всё к незнакомому болоту выхожу. И лес кругом – чёрный, непролазный, страшный. Сел я под ёлку и заплакал. И себя жалко, и Мишку. И Мишку почему-то больше. Вот, думаю, утону в болоте, кто ему будет задачки по математике решать? И для портретов позировать. Мишка ведь портреты рисовал очень плохо, а позировать, сами знаете, тяжело, вот никто и не соглашался. Кроме меня. И очень я пожалел, что гриб тот Мишке не отдал. Я же все равно грибы лучше Мишки ищу, он так не умеет, да и грибы он знает плохо, даром что деревенский. Потом я вспомнил, что не прочитал бабушкин заговор, когда в лес входил. Вытер я слезы и сказал нужные слова, а заодно и молитву прочитал, которой меня мама научила. И тут же в сон провалился. А проснулся я уже на Дороге, возле мостика через ручей, и Рыжик мои карманы проверял... Ну, мне пора, – Ленька протянул Вадиму руку, и его рукопожатие оказалось не по-детски уверенным и крепким. – Приезжайте, я вас с Мишкой познакомлю. У него каталог вашей выставки имеется, а некоторые работы он даже пытался копировать. – Ленька блеснул зелёными глазами, повернулся и легко зашагал прочь, в сторону не видимой отсюда реки. Его соломенная макушка блеснула пару раз в зыбком солнечном луче и исчезла в искристой перламутровой дымке где-то возле Абрамыча, под проникновенно-печальное «Утро туманное, утро седое...»

Рыночная площадь постепенно заполнялась народом. Мимо Вадима катился шумный, деловой, озабоченный людской поток, изредка выплескивая в его сторону чьи-нибудь рассеянные, равнодушные глаза и снова скользил дальше. Чужой, холодный, непонимающий...

Плакали липы, сыпали разноцветными звездами клены, а город потихоньку просыпался, втягиваясь в привычную суету и кружение обычного воскресного дня.

В маленьком кафе с весёлым названием «Апельсин» было безлюдно и прохладно. Вадим пил кофе и думал о том, что пора возвращаться домой. В свою крошечную комнату, единственное окно которой выходило в грязный, замусоренный двор. И чем больше он об этом думал, тем отчетливее понимал, что это невозможно. Зеленоглазый мальчик, обеими руками прижимающий к груди его «Цветок папоротника», снова и снова вставал у Вадима перед глазами и, белозубо улыбаясь, повторял: «Приезжайте!» «А что, – подумал Вадим, тяжело поднимаясь из-за стола, – не домой же возвращаться...»

На улице он первым делом опустил в мусорный контейнер холщовую сумку со своими картинами, потом пересчитал деньги в бумажнике и не спеша направился к центру рынка на страстный голос Нани Брегвадзе.

Абрамыч радостно закивал кудрявой седой головой, едва завидев Вадима.

– Утро-то какое, а, Вадим, – чёрные глаза Абрамыча лучились теплом и спокойной мудростью древнего богоизбранного народа. – Представляете, у меня сегодня купили четыре пластинки!

– Надеюсь, не «Демона» Рубинштейна, – Вадим сделал озабоченное лицо, – и не «Утро туманное»?

– Нет-нет, что вы, – старик замахал руками и весело засмеялся. – Борис Штоколов, Шульженко, две Руслановых – вот всё, что я сегодня продал.

– Моисей Абрамович, а сколько стоит ваша коллекция целиком? Вместе с патефоном? – Вадим осторожно открыл крышку полированного деревянного ящичка, затейливо украшенного цветными бусинами и перламутром, заглянул внутрь.

– Целиком? – старик удивленно уставился на Вадима. – А вы... хотите купить? Вы?.. Себе?..

– Себе, конечно, кому же еще? – Вадим сел напротив Абрамыча на складной брезентовый стульчик, который старик всегда ставил для покупателей. – Ну так сколько?

Старик молчал, улыбка медленно сходила со смуглого морщинистого лица, и Вадим впервые за их долгое знакомство поразился, насколько же он стар.

– Ну... – старик пожевал губами, вздохнул, – раритетов у меня нет, почти всё можно найти на современных носителях, но это всё-таки коллекция... Да вы всё и сами знаете... – Он махнул рукой и тусклым, вдруг задрезжавшим голосом сказал:

– Тысячи две, я думаю... Но мы можем поторговаться, – добавил он безо всякого интереса.

Вадим изумленно смотрел на старого еврея, не понимая причины вдруг произошедшей с ним метаморфозы.

– Моисей Абрамович, – начал Вадим, но старик не дал ему договорить.

– Вы уезжаете, Вадим, – с горечью воскликнул старик, – да-да, уезжаете, а старый Абрамыч остается один-одинешенек! А ведь мы ещё не

доиграли партию в шахматы, помните? А мой портрет, который вы собирались писать на будущей неделе? Эх, вы, молодежь, – тихо добавил он и близоруко заморгал, стараясь не смотреть на Вадима.

– Но ведь я, – растерялся Вадим, – вернусь. Скоро... – и покраснел до ушей, как сбежавший с уроков и пойманный с поличным первоклассник.

– Вот-вот, – укоризненно покачал головой Абрамыч. – То-то и оно... Ну да ладно, – он вздохнул и грустно улыбнулся. – Раз иначе нельзя, давайте совершать сделку.

– Давайте, – обрадованно подхватил Вадим и достал из бумажника деньги. – Я покупаю вашу коллекцию, Моисей Абрамович, полностью и плачу вам две с половиной тысячи рублей, но у меня есть особое условие.

– Условие? – удивился Абрамыч. – Какое?

– Я прошу вас, – Вадим уважительно-ласково выделил слово «прошу», – хранить коллекцию у себя до моего возвращения. И ещё. Я хотел бы, если это возможно, чтобы вы приходили сюда по воскресеньям и, как всегда, крутили пластинки. Особенно мои любимые...

Абрамыч с достоинством поклонился.

– Да будет так. Я выполню ваше условие.

Вадим уходил, а старый Абрамыч грустно и ласково смотрел ему вслед и беззвучно шевелил губами. То ли пел, то ли молился, то ли разговаривал сам с собой.

Туман таял, над городом поднималось солнце.

...На вокзале, как всегда в воскресенье, было многолюдно. Возле пригородной кассы толстой шипастой ящерицей свернулась длинная очередь, и Вадим пристроился ей в хвост, рассеянно разглядывая весёлых крикливых дачников, степенных рыбаков и просто деревенских жителей, спешащих домой после удачно или неудачно проведённого рыночного дня.

Очередь двигалась споро, и уже минут через пятнадцать Вадим наклонился к ярко освещённому полукруглому окошку:

– До Ольховки, пожалуйста, на ближайший электропоезд.

Пожилая круглолицая кассирша удивлённо уставилась на Вадима поверх очков:

– Куда?

– До Ольховки, – вежливо повторил Вадим, ощутив смутное беспокойство, – на ближайший...

– Вы что-то перепутали, гражданин. Нет у нас деревни с таким названием. И не было никогда. Нальют глаза... – она покачала головой и громко выкрикнула:

– Кто там следующий?

– Ну как же, – Вадим заволновался, – мне сказали – две остановки от города, возможно, туда мало кто ездит... Пожалуйста, посмотрите хорошенько...

– А чего мне смотреть? – кассирша сердито насупила густо подведённые брови. – Я тут двадцать лет сижу, все маршруты наизусть знаю. Проходите, гражданин, не мешайте.

Застопоренная очередь глухо загудела.

– Давай, мужик, отходи, не задерживай народ, – стоящий за Вадимом остриженный под ноль, похожий на квадратный шкаф молодой парень в синем спортивном костюме от «Adidas» чугунным предплечьем аккуратно отодвинул Вадима в сторону. – Иди, проветришь. Придумал же, Ольховку какую-то...

В очереди засмеялись.

С пылающими щеками и заледеневшим сердцем Вадим вышел на перрон. Здесь было просторно и не так шумно, как в здании вокзала. Пожилая женщина в инвалидной коляске играла на флейте «Прощание славянки», огромный бородатый дворник в ярко-оранжевом фартуке сметал в кучу редкие, слабо шуршащие листья, пахло жареными пирожками, разогретым машинным маслом и дальней дорогой... А солнце снова медленно затягивалось искрящимся, слабо мерцающим туманом...

...Прибежали и снова убегали в туман деловые, серьёзные электрички. Люди приезжали и уезжали, кого-то встречали и провожали, плакали и смеялись, а Вадим всё стоял возле круглого каменного вазона с чахлыми сиреневыми астрами и отрешённо смотрел на бегущие в дальние страны звонкие голубые рельсы...

«А зачем мне ехать в Ольховку? – вдруг подумал он и удивился, отчего эта простая мысль пришла ему в голову только теперь. – Я хочу вернуться к себе. А Дорога к себе может начаться где и когда угодно. Вот хоть с этого перрона, сию же секунду...»

Он улыбнулся и шагнул прямо в поток золотого солнечного дождя, неожиданно упавшего на землю из весёлой, ярко-синей прорехи в мерцающем серебряном небе.

«Утро туманное, утро седое...», – тонко запела флейта.

В лицо Вадиму ударил влажный ветер, наполненный ароматом соснового бора, лесной прохладой и тёплым, безмятежным покоем... Грусти не было, только светлая прозрачная печаль и надежда, пока ещё хрупкая и робкая, как колокольчики возле бабушкиного дома...